оригинальная статья
УДК 316.444.5

Тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи

Евгения Анатольевна Ефремова
Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск
eea-207@yandex.ru

Потупила в редакцию 02.12.2020. Принята в печать 13.01.2021.

Аннотация: Статья носит обобщающий и постановочный характер. В настоящее время актуализируется интерес к проблеме профессиональной мобильности молодежи в связи с новыми социальными реалиями. Цель – определить тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи. Исследование проводится на основе анализа и обобщения материала научно-исследовательских работ, посвященных проблемам профессиональной мобильности молодежи, рынка труда и социальных практик. Дается интерпретация понятия *социальные практики* с различных точек зрения. В результате определены четыре тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи: возрастание гибкости социальных практик, расширение каналов профессиональной мобильности, рост индустрии интернет-пространства, изменение позиции молодых людей относительно занятости. В заключении предложена систематизация социальных практик в развитии профессиональной мобильности. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании процессов управления профессиональной мобильностью молодежи в современном обществе, а также при оказании целенаправленного управленческого воздействия на социальные объекты путем раскрытия их ресурсов и потенциальных возможностей. Учет современных тенденций социальных практик профессиональной мобильности молодежи в работе организаций позволит обеспечить профессиональный рост и конкурентоспособность молодого человека на рынке труда.
Ключевые слова: габитус, профессиональное развитие, деятельность, рынок труда, социальные изменения, управление

Цитирование: Ефремова Е. А. Тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 39–44. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-39-44

Введение

В современной социологии понятие социальных практик связано с активными преобразованиями в развитии общества и с разнообразными формами социальной деятельности [1–4]. Новые социальные формы, связанные с технологиями, компьютеризацией, включая различные способы получения знаний и информации, все больше приобретают символический характер [3, с. 5]. Изучение профессиональной мобильности молодежи через призму социальных практик представляется наиболее открытой формой изучения социальной реальности. Нарастающая динамика социальных изменений диктует необходимость систематизировать социальные практики профессиональной мобильности молодежи.

Теоретические основы

Под общественной практикой принято понимать совокупную деятельность человечества, опыт всего человечества в его историческом развитии[1]. П. Бурдье вводит категорию габитуса: «габитус есть то, что позволяет "обжить" институции, практически их присвоить и тем самым поддерживать в активном, жизненном, деятельном режиме» [5, с. 46]. Увидеть суть габитуса можно только при соотнесении социальных условий, в которых он формировался, с теми обстоятельствами, в которых он был «приведен в действие» [5, с. 48].

Практика, по П. Бурдье, «разворачивается во времени и обладает всеми соответствующими характеристиками, такими как необратимость, которая разрушается при синхронизации»; она «всецело имманентна длительности, а потому идет рука об руку со временем» [6, с. 158]. Являясь продуктом истории, габитус производит индивидуальные и коллективные практики [5, с. 46], он обеспечивает актуальность существования прошлого опыта, который в форме схем восприятия, мышления и действия является более верным способом, чем все формальные правила и нормы, гарантируя тождество и постоянство практик во времени [5, с. 48]. Габитус, таким образом, имеет способность порождать новые практики. Э. Гидденс считает,

[1] Практика общественная // Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М.: Инфра-М; Норма, 1998. С. 256.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-39-44

что социальная практика не создается социальными акторами, а только воспроизводится ими. В этом смысле практика отражает рутинность, общепринятые действия в ходе социальной деятельности [7, с. 140].

В. В. Волков и О. В. Хархордин выделяют две идеи в подходе к практикам: идею «фоновых» практик, где преобладает «деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение», и идею «раскрывающих характер» практик, например, освоение какой-либо профессии происходит за счет освоения определенных навыков, необходимых в каждой деятельности [8, с. 18–23].

Одни формы социальных практик институционализируются, становясь прочными, упорядоченными, влияя на развитие социума. Как правило, они отличаются либо большей значимостью и массовостью, либо устойчивостью и традиционностью. Другие виды практик, по мнению Т. И. Заславской и М. А. Шабановой, могут формировать неодобряемые формы социальных действий, они менее значимые, сравнительно редкие, ненормативные или противозаконные [1]. Таким образом, социальные практики гибко реагируют на социальные изменения, происходящие в обществе, способствуя формированию новых социальных институтов. Однако С. А. Ильиных отмечает, что стремительные изменения в обществе могут сказываться на социальных практиках, затрудняя их успешную хабитуализацию, оформление в легитимные институты [9, с. 241].

Социальные практики направлены на выявление наиболее сущностных характеристик развития общества. Современное общество характеризуется более целостным и сложным взглядом на субъект, вклад которого в развитие социума определяется не только общими правилами, но и необходимостью удовлетворять требованиям и запросам общества на различных уровнях социальной практики – межперсональной, культурной, сознательной и бессознательной [3, с. 7]. Любые достижения и новшества, появляющиеся в обществе, опираются на предыдущий опыт, влияя на развитие социальных практик в настоящем. Как отмечают А. С. Петухов и С. В. Пирогов, соотношение повседневности и системы носит дуальный характер: повседневность отражает реальные характеристики социальной системы и в то же время является источником ее трансформации [10, с. 161].

Некоторые тенденции социальных практик профессиональной мобильности

А. И. Ковалева под профессиональной мобильностью понимает перемещение человека в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса [11, с. 298]. М. Н. Реутова трактует профессиональную мобильность молодых людей как изменение профессии, переквалификацию в рамках своей специальности, повышение квалификации, карьерный рост, служебное продвижение [12, с. 188]. Положения о сущности профессиональной мобильности и факторах, на нее влияющих, позволяют рассматривать социальные практики как многоаспектное явление.

А. М. Сергиенко под социальными практиками на рынке труда понимает совокупность устойчивых и массовых социальных действий (взаимодействий), осуществляемых акторами на входе, выходе и в самой системе рынка труда [4, с. 184]. В зависимости от выполняемых действий исследователь выделяет социально-экономические (поиск, создание, сохранение и расширение мест приложения труда) и социально-политические (связанные с деятельностью акторов по формированию и защите их интересов и прав на рынке труда) практики.

Т. И. Заславская и М. А. Шабанова приводят примеры трудовых и неправовых трудовых практик. Трудовые практики включают выполнение правовых норм и взаимных обязательств в период занятости, а неправовые трудовые практики связанны с нарушением акторами легитимных законов, разных уровней норм права, социокультурных традиций, регулирующих отношения труда и занятости. При этом отмечается, что отклонение от правовых предписаний все чаще превращается в норму, проникая в институты социализации молодых людей [1].

Процесс вхождения молодых людей в профессиональную деятельность сопряжен как с получением независимости, формированием собственной траектории профессионального развития, так и с некоторыми трудностями. В таких условиях основой исследования проблемы может стать теория социальных изменений Э. Гидденса [7]. Во внимании этого подхода личность видится как субъект социальных отношений с социальными связями и практиками. Согласно теории, крайне важно учитывать ситуацию быстро меняющегося социума, в котором необходимо не только адаптироваться, но и уметь реализовывать себя, изменять социум. Изменения, неопределенность, выбор становятся ведущими чертами современной действительности, влияя на стиль жизни каждого человека. Э. Гидденс пишет, что: «в условиях высокой современности индивиды вынуждены самостоятельно выбирать свой жизненный путь», под которым он понимает «более или менее объединенное множество практик, используемых индивидом» [7, с. 57].

Этот подход представляет интерес для изучения профессиональной мобильности в рамках происходящих в обществе социальных изменений, т. к. одновременно возникают изменения в поведении и сознании людей, их повседневных практиках. В большей мере они затрагивают молодых людей, которые находятся на пике социальных перемен, обостряя проблемы социализации, трудоустройства. В связи с трансформацией многих социальных практик молодому человеку предстоит делать постоянный выбор с учетом этих изменений, а значит, возрастает риск [7, с. 52]. Мы разделяем факт того, что человек подвержен многочисленным рискам в современном обществе, но, с другой стороны, стремительные перемены предоставляют и определенные возможности,

которыми человек должен уметь воспользоваться в новых социальных реальностях.

Рассмотрим условия, в которых происходит развитие профессиональной мобильности молодого поколения, т. к. они напрямую связаны с характером современного социально-исторического этапа. Остановимся на некоторых из них, определив наиболее общие характеристики тенденций.

Первая тенденция связана с возрастанием гибкости социальных практик. На рынке труда выделяют такие виды и формы массовых социальных практик, как вторичная занятость, трудовая миграция, поиск работы, практики дистанционной занятости, самозанятость и др. [2; 4; 13–16]. Наряду с этим сегодня реализуются и инновационные социальные практики для молодежи в сфере занятости, в частности проекты по обучению и трудоустройству молодых IT-специалистов с инвалидностью, для молодых мам – по производству и выпуску одежды [13, с. 77]. Гибкость социальных практик обусловлена и стремительным появлением новых профессий и специальностей на рынке труда, появлением наукоемких технологий, обновлением форм и видов занятости, а значит, возникает необходимость переобучения, смены профессии. Стоит отметить, что социальные изменения и далее будут влиять на рынок труда, следовательно, будут появляться новые социальные практики, приходящие на смену существующим, или трансформироваться устоявшиеся.

Вторая тенденция – расширение каналов профессиональной мобильности. Такие каналы входа в профессию, как личные связи, друзья, семья, образование, служба занятости, кадровое агентство, распределение от учебного заведения являются традиционными. Однако социальные практики, реализуемые через институционализированные каналы профессиональной мобильности, сегодня не всегда решают профессиональные проблемы, связанные с трудоустройством и карьерой человека. Все большее значение получают цифровая среда, личностный потенциал, социальные качества, корпоративное обучение, профессиональный опыт. Важность наличия опыта работы для успешного трудоустройства после вуза требует институциональной реализации этой общественной потребности. Например, в исследовании М. Н. Реутовой указаны успешные практики взаимосвязи университетов и крупных компаний, включающих студентов старших курсов в свою деятельность [12]. Среди действенных практик можно отметить поощрение молодых специалистов работодателями стажировками в других регионах. Эффективное управление каналами профессиональной мобильности должно базироваться на использовании различных социальных технологий, выступающих ресурсом в регулировании социальных процессов [17, с. 80]. Расширение каналов обусловливает важность управления профессиональной мобильностью молодежи не только на уровне государства, социальных институтов, но и личности.

Третья тенденция определяет вектор социальных практик в связи с ростом индустрии интернет-пространства. Использование Интернета как канала, инструмента, технологии в арсенале профессиональной мобильности становится все более актуальным благодаря его уникальным коммуникационным характеристикам. Цифровая среда задает профессиональные ориентиры, отношение к построению карьеры, представлениям о профессиональном будущем [18, с. 232]. Молодежь сегодня находится в принципиально иной ситуации, чем предыдущее поколение: интернет-среда гораздо шире влияет на их профессиональную мобильность. Современные информационные технологии предоставляют возможность быстрее осваивать новые специальности, повышать свою квалификацию через онлайн-курсы и вебинары. Интернет предлагает различные способы развития профессиональной мобильности: возможность получать профессиональные знания независимо от территории проживания, оперативно получать информацию о вакансиях и самостоятельно находить подходящую работу. Сообщества в социальных сетях позволяют вести удаленную работу. Очевидно, что информационные технологии сейчас оказывают на профессиональную мобильность огромное влияние. Это не просто тенденция, которую желательно учитывать. Стремительно развивающееся информационное общество активно воздействует на формирование новых социальных практик.

Четвертая тенденция связана с изменением позиции относительно занятости молодых людей. Ю. А. Зубок обращается к проблеме формирования социальных и социокультурных условий, в которых формируются жизненные стратегии молодежи [14, с. 6]. Роль различных институтов в жизни молодых людей изменилась, заметнее стало их отставание от реальных потребностей молодежи, а взаимодействие с ними регулируется исходя из индивидуальных целей молодых людей и сопровождается экспансией самостоятельности в построении жизненной траектории [14, с. 8]. В условиях многообразия социальных практик наиболее востребованными качествами становятся постоянный поиск себя, самостоятельность, рефлексивность [2, с. 217]. Эти особенности, в том числе самоорганизация и «атомизация», как специфические формы саморефлексии молодежи, по мнению В. П. Бабинцева и Е. В. Реутова, связаны с попытками осознать свою роль в обществе риска [19, с. 111]. Исследования по молодежной проблематике свидетельствуют о низком уровне межличностного и институционального доверия в молодежной среде, вследствие чего возникает «атомизация» социальных практик [19]. Этот феномен отражается и в социальных практиках профессиональной мобильности молодежи как ответная реакция на изменения в социуме, как адаптация к сложившимся социокультурным условиям, что приводит к выбору индивидуализированных внеинституциональных практик. Увеличение практик дистанционной занятости, фриланса, самозанятости [15; 19], с одной стороны, дает

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-39-44

шанс самореализации молодым людям, с другой стороны, имеет и определенные минусы: отсутствие социальных гарантий, повышенные требования к навыкам самоорганизации. Модель выбора самозанятости, по замечанию М. Г. Бурлуцкой и В. С. Харченко, чаще является вынужденной, чем добровольной, и отражает влияние внешних условий, в частности сложившихся на региональном рынке труда [15]. Исследование, проведенное Н. П. Касаткиной и Н. В. Шумковой, свидетельствует, что самообразовательные практики молодежи выполняют важную роль в формировании альтернативных карьерных траекторий, при этом самозанятость характеризуется существенной индивидуализацией сопутствующих практик, повышается роль молодежи как агента новых социальных практик [2, с. 204–207]. Субъектность молодежи в планировании своего профессионального развития растет, а неформальные практики занятости становятся для молодых людей все привлекательнее, т. к. предлагают гибкий график, возможность удаленной работы, дополнительный заработок.

Заключение

Социальные практики в развитии профессиональной мобильности можно рассматривать как комплекс действий и взаимодействий социальных субъектов, обеспечивающих эффективное решение актуальных задач профессионального развития. Основу систематизации социальных практик в процессе профессиональной мобильности молодежи составляет современный контекст российского общества, учитывающий традиции и инновационные изменения на рынке труда. В качестве ведущего признака выделяется деятельность, влияющая на изменение профессиональной позиции индивида по направлениям перемещения (горизонтальная и вертикальная мобильность), по наличию определенных каналов мобильности, по решению задач стабилизации социального самочувствия в процессе мобильности. Обобщая различные исследования, представим попытку типологизации социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи на основании социологического и социально-психологического принципов следующим образом:

- социальные практики в области поиска места работы (каналы входа в профессию): интернет-сервисы для поиска работы (включая поиск и размещение резюме / портфолио / кейса), знакомые, личные связи, семья, друзья, кадровое агентство, служба занятости населения, распределение от вуза и др.;
- социальные практики в области карьерного роста (вертикальная мобильность): личные стремления, знакомые, личные связи, партнерство и др.;
- социальные практики в области саморазвития и повышения квалификации (горизонтальная мобильность): онлайн-курсы, вебинары, семинары, мастер-классы, воркшопы, корпоративное обучение, дистанционная занятость и обучение, направленные на развитие профессиональных компетенций, человеческого и социального капитала, поощрение молодых специалистов в виде стажировки и обучения в других регионах, странах и др.;
- неформальные социальные практики занятости (поиск альтернативных каналов профессиональной мобильности, упрочняющих принцип индивидуализации, свободы, независимости от государства и социальных гарантий): фриланс, самозанятость, профессиональные сети и др.;
- социальные практики поддержки социально-психологического самочувствия (при смене работы, освоении новой специальности, неудовлетворительном увольнении, переезде в другой город, страну, небольшом опыте работы): социально-психологическое консультирование, наставничество в профессии, обращение к коуч-тренерам по карьерному развитию, тренинги по тайм-менеджменту, формированию стрессоустойчивости, предоставление гибкого графика труда при определенных обстоятельствах и др.

Учитывая влияние неустойчивости социальных процессов на мобильность молодежи, институт социальных практик в формировании мобильности на рынке труда требует эффективных управленческих решений, внедрения определенных социальных технологий, что позволит молодым людям более уверенно «вступить в практическое отношение с миром» [3, с. 12]. В связи с этим повышаются требования к субъектам социальных технологий, их социально-технологической культуре. В социальном взаимодействии важно действовать конструктивно и гуманно [20, с. 156].

Социальные практики позволяют раскрыть широкий спектр социальных явлений, включая меняющиеся тенденции в развитии профессиональной мобильности молодежи. А появление новых видов социальных практик профессиональной мобильности обусловливает необходимость дальнейшего эмпирического изучения ввиду их быстрой трансформации и модификации в современных условиях.

Литература

1. Заславская Т. И., Шабанова М. А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. 2002. Т. 11. № 2. С. 3–38.
2. Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201–223. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600
3. Квасова И. И. Социальные практики и человеческий опыт (дискурс П. Бурдье) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 2. С. 5–12.

4. Сергиенко А. М. Социальные практики россиян на рынке труда: системный анализ процессов трансформации // Социальные практики современной молодежи: поиск новых идентичностей: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Барнаул, 21–22 мая 2009 г.) Барнаул, 2009. С. 183–185.
5. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.
6. Бурдье П. Практический смысл / под общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. 562 с.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 343 с.
8. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
9. Ильиных С. А. Риск как предмет исследования социологии управления // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 5 февраля 2017 г.) Уфа, 2017. Ч. 1. С. 241–243.
10. Петухов А. С., Пирогов С. В. Теории практик как методология изучения повседневности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 159–167. DOI: 10.17223/1998863X/41/18
11. Ковалева А. И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–300.
12. Реутова М. Н. Профессиональная мобильность молодежи: двадцать лет спустя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 14. С. 188–199.
13. Соловьева Т. С., Попов А. В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный опыт // Ars Administrandi (Искусство управления). 2015. № 2. С. 65–84.
14. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
15. Бурлуцкая М. Г., Харченко В. С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 111–123.
16. Каниева М. М., Орлова М. Г. Технологии уберизации в сфере занятости молодежи // Наука. Университет. 2017: мат-лы 18 Междунар. ежегодной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 30 марта 2017 г.) Новосибирск, 2017. С. 296–299.
17. Ефремова Е. А. Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 76–82. DOI: 10.5281/zenodo.3763728
18. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228–251. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11
19. Бабинцев В. П., Реутов Е. В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109–115.
20. Бурмыкина И. В. Методологические основания теории социальных технологий современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 151–161.

original article

Developing the Occupational Mobility of Youth: Tendencies in Social Practices

Evgenia A. Efremova
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
eea-207@yandex.ru

Received 2 Dec 2020. Accepted 13 Jan 2021.

Abstract: The new social reality increased public interest in the issues of occupational mobility of the youth. The research objective was to determine the tendencies of social practices in this sphere. The author analyzed and generalized scientific publications on the problems of occupational mobility of young population and the related labor market. The paper introduces various interpretations of the concept of "social practices" and systematizes them. The author identified four trends in the social practices: 1) an increase in the flexibility of social practices, 2) an expansion of channels of professional mobility, 3) the development of the Internet industry, and 4) a change in the attitude of young people to employment.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

The research results can improve the management of the occupational mobility of young people in modern society, as well as provide targeted management impact on social facilities by revealing their resources and potential. By taking into account modern trends in social practices of occupational mobility of young population, organizations can ensure professional growth and competitiveness of young employees in the labor market.
Keywords: habit, professional development, activities, labor market, social changes, management

Citation: Efremova E. A. Developing the Occupational Mobility of Youth: Tendencies in Social Practices. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 39–44. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-39-44

References

1. Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. Institutionalization of non-legal social practices in Russia: labor sphere. *Mir Rossii*, 2002, 11(2): 3–38. (In Russ.)
2. Kasatkina N. P., Shumkova N. V. From self-education to self-employment: back entrance for youth to the labor market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (3): 201–223. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600
3. Kvasova I. I. Social practices and human experience (P. Bourdieu's discourse). *RUDN Journal of Sociology,* 2009, (2): 5–12. (In Russ.)
4. Sergienko A. M. Social practices of Russians in the labor market: a systematic analysis of transformation processes. *Social practices of modern youth: search for new identities*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Barnaul, May 21–22, 2009. Barnaul, 2009, 183–185. (In Russ.)
5. Bourdieu P. Structure, habitus, practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologi*, 1998, 1(2): 44–59. (In Russ.)
6. Bourdieu P. *Le Sens pratique*, ed. Shmatko N. A. St. Petersburg: Aleteiia; Moscow: In-t eksperim. sotsiologii, 2001, 562. (In Russ.)
7. Giddens A. *The consequences of modernity.* Moscow: Praksis, 2011, 343. (In Russ.)
8. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. *Practice theory*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008, 297. (In Russ.)
9. Ilinykh S. A. Risk as a subject of research in the sociology of management. *Research and development in the era of globalization*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Volgograd, 5 Feb, 2017. Ufa, 2017, pt. 1, 241–243. (In Russ.)
10. Petukhov A. S., Pirogov S. V. Practice theories as a methodology for everyday life studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (41): 159–167. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/41/18
11. Kovaleva A. I. Professional mobility. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, (1): 298–300. (In Russ.)
12. Reutova M. N. Professional mobility of youth: 20 years after. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*, 2008, (14): 188–199. (In Russ.)
13. Solovieva T. S., Popov A. V. Social innovations in employment: region's experience. *Ars Administrandi*, 2015, (2): 65–84. (In Russ.)
14. Zubok Ju. A. Youth: life strategies in a new reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (3): 4–12. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
15. Burlutskaya M. G., Kharchenko V. S. Freelancers: social status, career strategies and professional development. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologi*, 2013, 16(1): 111–123. (In Russ.)
16. Kanieva M. M., Orlova M. G. Uberization technologies in the sphere of youth employment. *Science. University. 2017*: Proc. 18 Intern. annual Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 30 Mar, 2017. Novosibirsk, 2017, 296–299. (In Russ.)
17. Efremova E. A. Features of the introduction of social technologies: problems and prospects. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 2020, (3): 76–82. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.3763728
18. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, (1): 228–251. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.11
19. Babintsev V. P., Reutov E. V. Self-organization and "atomization" of youth – an actual form of social and cultural reflection. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, (1): 109–115. (In Russ.)
20. Burmykina I. V. Methodological basis for the theory of social technologies of the modern world. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*, 2013, (4): 151–161. (In Russ.)